

Письмена

письмена. Существенную роль во многих мифопоэтических системах играют П., т. е. Графические (в широком смысле) элементы — идеограммы (рисунки, иероглифы), клинописные знаки, буквы, разные виды эвентуальных конвенциональных графем и т. п., преследующие цель сообщения.

Это сообщение может быть обращено к другому или к самому себе (запись на память, т. н. меморат), но, строго говоря, не предполагает непременно дешифровки, т. е. Понимания сообщения в том же смысле, в каком оно характеризовало своего автора (знание кода).

Многие П. долгое время оставались или остаются нерасшифрованными, что не мешает им быть элементами мифопоэтической системы, использоваться в магической и ритуальной практике и т. п. Но в любом случае необходима установка на то, что П. нечто обозначают, т. е. что их значение, смысл не исчерпывается ими самими в их материальном, чисто формальном аспекте.

Они подразумевают отношение к себе как к знаку, пользование ими как знаками со стороны того, кто прибегает к П. (активно — как их создатель, производитель или пассивно — как их потребитель, дешифровщик). Поэтому история письменности хорошо знакома с ситуациями «гиперсемиотической» оценки неких конфигураций как П., хотя они П. не являются, так как нанесены не «мыслящей рукой», а объясняются случайными причинами.

Тем не менее, до тех пор, пока данная конфигурация трактуется как П. (а не нечто случайное), она может быть полноправным членом мифопоэтического ряда. П. уместно отделять от так называемого «предметного» письма, представленного в разных традициях такими разновидностями, как бирки, знаки собственности, жезлы вестников, разные виды узелкового письма (например, кипу у древних инков), пояса вампум с нанизанными раковинами у североамериканских индейцев, «предметные» письма (например, ароко — письмо йоруба), и от простейших видов «рисуночного» письма, прежде всего от пиктограмм, основанных на иконическом признаке (круг с лучами, т. е. изображение солнца, обозначает само солнце и всегда, при всех условиях только

солнце). В отличие от пиктограммы идеограмма как высшая форма «рисуночного» письма уже является разновидностью П., поскольку она может передавать значение, не совпадающее с тем предметом, который выступает как форма идеограммы (тот же круг с лучами как идеограмма может уже обозначать не само солнце, а жару, тепло или соответствующие свойства □ жаркий, горячий, теплый и т. п.). Таким образом, свойство «быть П.» присуще П. тем в большей степени, чем независимее они от «предметного» и «рисуночного» принципов, т. е. чем более формальными и универсальными становятся сами П., чем более они отрываются от материальной эмпирии, стремясь превратиться в некую самодостаточную имманентную систему типа алфавита.

Каждый решительный шаг на пути прогресса письменности был связан с тем, что система П. становилась всё менее наглядной для неискушенного, непрофессионального пользователя П. Это обстоятельство наряду с тем, что введение П., как и каждое существенное усовершенствование системы П., давало исключительный эффект в решении проблемы памяти, столь важной для мифопоэтической эпохи, способствовало резкому возрастанию роли П., их престижа, приводило к сакрализации П. как своего рода сказочного «чудесного» средства, с помощью которого решаются иначе не разрешимые задачи. П понимались как сакральные знаки, которые связаны с высшими и тайными смыслами [ср. использование П. в разного рода тайнописях, в текстах эзотерического характера (ср. руны), в основных священных текстах данной традиции и т. п.] и противостоят сфере профанического, явного, сугубо материального.

Соответственно этому знание П. их изобретение, пользование ими становится делом особого разряда жрецов (ср. кельтских друидов или т. н. «священнокнижника» □ ἱεροῦραματεὺς в Египте, выступавшего в ритуальных шествиях с чернильным прибором и тростниковым пером) или приравненных фактически к ним довольно изолированных профессиональных писцов как в Древнем Египте). Многие древние виды письменности обозначались как «священные» внутри данной традиции или извне (ср ἱερογλυφικά, т. е. иероглифические, «священно-вырезанные» письма).

Своим происхождением они обязаны инициативе богов. Древнеегипетский Тот и вавилонский Набу были богами-писцами, покровителями писцов и в известной степени властителями человеческих судеб, которые записывались «палочкой рока».

По представлениям древних египтян, Тот был не только изобретателем письма, «властителем книг», но и покровителем правильной устной речи (хотя сама речь была изобретена другими богами) и всех знаний. Платон сообщает, что Тот (Тевт) «первый изобрёл число, счёт, геометрию, астрономию, вдобавок игру в шашки и в кости, а также

и письма» (Plat.

Phaedr 274 cd). В древнеегипетских представлениях о Тоте также подчёркивается связь между П. и звуками: Тот обладал магической возможностью передавать написанное адекватной ему устной речью.

Но главная сила Тота — в синтезе с помощью П. того что сказано: «Ра изрек, и Тот уже записал» — такова обычная формула, определяющая роль бога-писца. Дочерью или сестрой (женой) Тота считалась богиня — покровительница письма и счёта — Сешат.

К Тоту обращались с молитвой о ниспослании умения хорошо писать. Божественное происхождение П. признаётся и в исламе: аллах создал буквы и сообщил их Адаму (скрывая их от ангелов). Даже в древнеиндийской традиции, ориентированной на звучащее слово, а не букву, существует особое божество мудрости, речи, учения, науки искусства Сарасвати, которое, кроме того, изобрело санскрит и создало буквы алфавита деванагари (правда, последние заслуги Сарасвати свидетельствуются довольно поздними источниками).

В древнегреческой традиции, напротив, изобретение букв приписывалось не богам, а людям, например, указывалось, что они были занесены с Востока финикийцем Кадмом (Herodot. V 58); тем не менее, позже роль изобретателя письменности была присвоена Гермесу (Гермес Трисмегист), отождествлённому греками с Тотом (Diod.

I 16). Напротив, древнееврейская традиция настаивает на сакральности письменного текста (Торы), более того, — не его предвечном бытии (то же принималось и мусульманами в отношении Корана): «Скрижали были дело божие, и письма, начертанные на скрижалях, были письма божии» (Исх.

32, 16). Буква, согласно позднеиудейской традиции, сакральна сама по себе и, более того, бессмертна. Можно сжечь свиток, но буквы неуничтожимы (ср. мотив поедания свитка в «Книге пророка Иезекииля» 3, 3); ср. параллельное этому учение древнеиндийской мимансы о бессмертии предвечно существующего звука.

Этот акцент на букве, на П. осознается особенно чётко на фоне раннехристианской традиции, в которой букве противопоставлен дух, причём высший смысл связывается именно с духом: «Он (бог) дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа; потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3, 6; ср. сходное противопоставление □ Рим.

2, 29; 7, 6). В иудейской мистической традиции развивается учение о сокровенном значении каждой буквы еврейского алфавита (ср. трактат «Буквы рабби Акибы»).

Согласно учению Акибы, названия букв суть аббревиатуры, которые развёртываются в некие утверждения, обладающие высоким авторитетом (этот принцип «нотарикона» был в употреблении и в раннехристианской традиции, где обозначение Иисуса как рыбы □ ΙΧΘΥΣ трактовалось как аббревиатура формулы Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτὴρ, т. е. «Иисус Христос, божий сын, спаситель»; в Византии сходным образом имя Адама «развёртывали» в обозначение пространственных зон вселенной □ восток, запад, север, юг). В иудейском мистическом трактате «Книга творения» обсуждается вопрос о том, что мир состоит из чисел и букв.

В известном смысле, перебрать весь алфавит значит пройти всю вселенную от начала до конца □ от альфы до омеги). Соответственно алфавит становится мощной классификационной системой, в которой, во-первых, каждый элемент (буква) связан с другим, во-вторых, он сопоставлен с неким утверждением, формулой, сакральной ценностью, аббревиатурой которой он является, в-третьих, он соотнесён с другими смыслами □ классификаторами.

Так, алеф, первая буква еврейского алфавита, обозначала быка; её числовое значение □ 1; её физическое соответствие □ дыхание; планетарное или зодиакальное □ солнце; символическое □ воля, сила; цветовое □ бледно-жёлтый; направительное □ сверху вниз и т. п. Ср. в латинском алфавите А □ 50, 500; солнце; маг; В □ 300; луна; высшая жрица; С □ 100; Стрелец; дьявол; Р □ 400; Козерог или Марс; Вавилонская башня и т. п.

В друидическом алфавите: а (ailm) □ 1; серебряная ель; Новый год; о (onn) □ 4; дрок; весеннее равноденствие; е (eadha) □ 2; тополь; осеннее равноденствие; l (luis) □ 14; рябина; 22 января □ 18 февраля; (nion) □ 13; ясень; 19 февраля □ 18 марта; (duir) □ 12; дуб; 11 июня □ 8 июля и т. п. Рунические знаки связывались с определёнными «пророческими» смыслами (любовь, удача, богатство, несчастье, смерть, огонь,

верность и т. п.).

Древние германцы использовали руны как талисман, который помогал в бою, в любви, отгонял зло и т. п. «Старшая Эда» сохраняет представления о том, что руны, «сильнейшие знаки», были созданы богами и вырезаны Одином, висевшим на дереве Иггдрасиль с тем чтобы узнать тайны мира. Особое мифопоэтическое значение букв не исчерпывается приведёнными способами их интерпретации. Существует, по крайней мере, ещё два типа «глубинного» толкования букв — через отсылку их к соответствующим звукам, которые выступают (как, например, в упанишадах и ряде древнеиндийских трактатов по философии языка) как классификационные элементы большой разрешающей силы, и через анализ конститутивных элементов букв, отсылающих к некоему жесту, кинеме (нередко артикуляционно-произносительного характера); ср. «глоссолалические» опыты Андрея Белого, оживляющие мотив языка, уподобляемого перу, изображающему соответствующую букву (идея звукобуквенного изоморфизма).

Широко распространено и соотношение букв с числами (например, в алфавитах, восходящих к греческому или — ещё ранее — финикийскому источникам), моделирование мира числом — буквой (ср. языковое единство пары читать — считать). Весьма многочисленны и примеры обращения в связи с П. и книгой к образам растительного кода.

Речь идёт о засеянном семенами поле как образе книги, с дальнейшей детализацией: борозда — строка, семя — буква, сеянье — писание, сбор урожая — чтение, понимание книги, сам урожай — образ духовных результатов чтения. Эти образы (как в загадках, так и в старой учительной литературе и разного рода аллегориях) сопрягаются с одним из мотивов «основного» мифа: расчленение, а затем собирание воедино младшего сына бога (или его позднейших трансформаций, в частности поэта). Этот образ реализуется не только в мифе, но и в практике древних поэтов, обучавшихся разъятию и собиранию текста, а также в языковых мотивировках понятия чтения (ср. латинское *lego*, «собираю» и «читаю» при древнегреческом *λέγω*, «собираю», «выбираю», но и «говорю», «высказываю» и т. п.) Изобретатели алфавита как родоначальники культурной традиции пользовались особым уважением, нередко считались святыми (ср. Месропа Маштоца, Ульфилу, Кирилл и Мефодия, Стефана Пермского и др.), что является продолжением жреческой традиции изобретения П. и заботы о письме, освященных текстах, о книге. Святость деяния возрастает ещё более, когда не только изобретены П., но и на них к тому же записан основной сакральный текст данной традиции.

Литература :

Тураев Б., Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры,

Лейпциг, 1898;

Шампольон Ж.-Ф., О египетском иероглифическом алфавите, [М.], 1950;

Лоукотка Ч., Развитие письма, пер. с чешск., М., 1950;

Фридрих И., Дешифровка забытых письменностей и языков, пер. с нем., М., 1961;

его же, История письма, пер. с нем., М., 1979;

Коростовцев М. А., Писцы Древнего Египта, М., 1962;

его же, Введение в египетскую филологию, М., 1963;

Добльхофер Ж., Знаки и чудеса, М., 1963;

Петровская В. И., Древнеегипетский толковник письменных знаков и «Иероглифика»

Гораполлона, в кн.: Ассириология и египтология, [Л.], 1964;

Тайны древних письмен, пер. с англ., нем., франц., итал., М., 1976;

Аверинцев С. С., Слово и книга, в его кн.: Поэтика ранневизантийской литературы, М., 1977;

Dornseiff F., Das Alphabet in Mystic und Magie. 2 Aufl., Lpz. □ В., 1925;

Jensen H., Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, Glückstadt, 1935;

Tschichold J., Geschichte der Schrift in Bildern, 3 Aufl., Basel □ Fr./M., 1951;

Gelb I. J., A study of writing. The foundations of grammatology, L., 1952;

Miltner F., Wesen und Geburt der Schrift, в кн.: Historia mundi, Bd 3, Bern, 1954;

Driver G. R., Semitic writing: from pictograph to alphabet, L., 1954;

Davies N. M., Picture writing in ancient Egypt, L., 1958.

В. Н. Топоров.